Эти воспоминания я пишу лет двадцать, а то и дольше без всякого плана, хронологии, композиции; вспомнится какое-то событие, встреча, разговор, какая-то важная деталь, я запишу. Так накопилось прилично страниц, и подумалось, а может книгу издать? Главные мои собеседники в повествовании, сотоварищи, друзья-писатели, «в кругу которых я возрос», и которых уже нет с нами, и книга, если она выйдет, станет моим поминальным словом. Это не творческие биографии или жизнеописания, а всего лишь карандашные наброски, запечатлевшие важные для меня мгновения случайных неслучайных встреч.

Алексей Васильевич Зверев

Я уверен, что поколение писателей, прошедших войну, по характеру было рельефней, выразительней последующих. Была в них особая мужественность, большая прямота и открытость, свойственная их времени. Мы более лукавы, эгоистичны, меркантильны и мелочны.

С Алексеем Васильевичем я встречался в редакции, на писательских средах, торжествах и литературных вечерах. Я бывал у него, когда он переехал из Ново-Ленино на ул. Декабрьских Событий. В небольшой трёхкомнатной квартире жили они с Лидией Ивановной, его второй женой. Мне нравилось бывать у них. Он приглашал меня обсудить какую-нибудь повесть или статью, которую давал мне прочесть, приглашал на дни рождения. Говорил он тихо и напевно, внимательно всматриваясь в собеседника, как в ученика. Лидия Ивановна была заботливой хозяйкой, на зиму заготавливала и капусту, и огурцы, и прочие овощи. Я всегда обращал внимание на солёные огурцы, приготовленные по особому рецепту, по вкусу и запаху они казались малосольными.

На берегу Ангары, недалеко от впадения в неё Усть-Куды, у них располагался огородик и небольшая избушка, Алексей Васильевич называл её рыбачьим домиком. Была и деревянная лодка, с которой он рыбачил, он был страстным и опытным рыбаком, любил вспоминать удачные и неудачные истории из своего «промыслового» опыта.

Однажды приехали в Иркутск немцы, писатели из Карл-Маркс-Штадта, с которым у нас были побратимские связи, и захотели познакомиться с бытом писателей. Повезли их к Алексею Васильевичу на дачу. Он не сразу согласился, но уговорили на условии: их предупредят, что это рыбацкий домик, а не дача, ему было неудобно перед иностранцами показывать своё неказистое летнее жилище.

Алексей Васильевич учительствовал, его работа не позволяла ему часто бывать в Доме литераторов, да и позднее, на пенсии не любил «весёлых сборищ». Большую часть времени проводил за письменным столом. В 1976 году в Москве, в издательстве «Современник» у него вышла книга «Гарусный платок», он пришел в Дом литераторов подписать книги. С кем-то договорился по телефону, кто-то оказался случайно. В то время, как и сейчас, было нормой дарить книги и отмечать их выход в дружеском кругу. Пустые и никчемные презентации в то время не проводились, проходили читательские конференции с участием библиотек, тщательно подготовленные, с широким участием читателей. Дом литераторов всегда был оживлённым местом, писатели встречались, играли на бильярде и в настольный теннис, раз в неделю проходили писательские среды, заходя туда, обязательно кого-нибудь встретишь.

Я не помню, пришёл Алексей Васильевич с книгами, или оставил ранее, стал подписывать тем, кто оказался в Доме. Были Владимир Николаевич Козловский, Глеб Пакулов, Геннадий Кинжалов, кто-то ещё. Когда раздарил книги, спросил: «А как у писателей принято отмечать выход книги?». По этой фразе можно было предположить, что он в большей степени числил себя по учительскому ведомству.

Особого выбора не было, предлагать ресторан ни у кого не повернулся язык, дороговато. Кафе «Чайка» между бывшей резиденцией генерал-губернатора и госуниверситетом оказалось кстати. Там подавали шашлык из свинины и портвейн, а учитывая, что рабочий день ещё не закончился, там могло быть не слишком накурено и не шумно. Так мы познакомили Алексея Васильевича с простотой и неприхотливостью дружеских писательских посиделок.

* * *

Он тяжело болел. Рак лёгких. Я навестил его в конце февраля. Он лежал в боковой комнатке. Лидия Ивановна провела меня к нему. Бледное измождённое лицо, небольшая седая бородка (раньше он носил только усы), сухое лёгкое тело. Он резко похудевший, видя, что я внимательно на него смотрю, слабым надтреснутым голосом сказал-спросил: «Ну, как меня обстрогало?!» И в этой фразе он оставался писателем, хранителем ёмкого народного слова. Алексея Васильевича Зверева не стало 26 марта 1992 года.

Сын Алексея Васильевича, Валерий, решил похоронить отца рядом с матерью Екатериной Степановной. Она погибла трагически, когда он был маленьким. Мы поехали с ним вдвоём, долго ходили по новоленинскому кладбищу среди могил, заросших диким кустарником и деревьями. Унылы наши погосты, неприбраны, но и естественны своей природной правдой.

Я уже думал, что не найдём, уже по нескольку раз продирались по заглохшим ложбинкам и тропинкам. Валерий не стал обращаться в контору кладбища, как я ему советовал, сам нашёл осевший холмик с потрескавшейся деревянной тумбой, крашенной голубой краской, с прикреплённой рамкой и выцветшей надписью.

Прощание с Алексеем Васильевичем проходило в Доме литераторов, горожане долгим потоком проходили мимо его гроба. Звучали последние прощальные слова.

Поминальный обед был в квартире, где жил Алексей Васильевич. В большой комнате сдвинули несколько столов в виде каре, принесли от соседей табуретки и стулья. Несколько раз накрывали столы: знакомые, учителя, бывшие ученики, писатели, читатели подходили и подходили. В этой тесной домашности, в скорбной тишине, большинство людей были мне незнакомы, казалось, что это воскресшие герои его книг пришли отдать ему последний поклон.

* * *

Именем Алексея Васильевича Зверева именуется литературная премия журнала «Сибирь», учреждённая в 1998 году.

В 2008 году в Иркутске на здании школы, где работал Алексей Васильевич, установлена мемориальная доска, в память о нём в с. Усть-Куда на доме, где он жил, также находится памятная табличка.

В 2010 году в Иркутском русском театре народной драмы был поставлен спектакль «Гневышев» по повести Алексея Зверева «Раны», произведение автобиографично, в 1942 году Алексей Васильевич получил тяжёлое ранение, около года провёл в госпитале. Был награждён орденом Красной Звезды. Сценарий написал Владимир Удатов. Перед спектаклем главный режиссёр театра Михаил Корнев сказал, что знакомство с творчеством Алексея Зверева началось в 1982 году, а уже в 1983 году театр обратился к его военной прозе.

В день похорон артисты театра несли гроб на руках, а солдаты иркутского гарнизона салютовали над его могилой.

* * *

Давно собирался заняться архивом Алексея Васильевича, ещё когда был жив его сын Валерий Зверев, но протянул время. Валерий купил в Утулике бревенчатый дом, обустроил его, там у него была мастерская, там же хранились все картины и иконы, которые он собирал годами. Однажды ночью дом сгорел дотла. Валерий вскорости умер от рака, и все документы отца, рукописи, книги, воинские награды, как мне удалось выяснить у Василия Забелло, находились у вдовы сына.

Я надеялся, что там могут оказаться неизданные произведения, чаялся найти и статью А.В. Зверева, которую он мне показывал и готовил для «Восточно-Сибирской правды» в ответ на статью Дмитрия Сергеева. Меня интересовала политическая полемика вокруг поддержки ГКЧП Валентином Распутиным. Дмитрий Сергеев выступил с резким осуждением Распутина, Алексей Васильевич написал в поддержку. Он дал мне почитать статью, я не помню деталей, но статья мне показалась конкретной и честной, он принял сторону Распутина.

* * *

Вдова Валерия Зверева доставала из шкафов бумажные папки Алексея Васильевича. Внутри в основном были машинописные копии повестей, рассказов, иногда повторяющиеся, и совсем немного рукописных, предполагаю, что Алексей Васильевич настукивал тексты в последние годы на машинке. Всё наследство заняло три плетёных пластиковых мешка.

В Иркутске я несколько дней просматривал содержимое папок, и не обнару-

жил ни одной неопубликованной вещи. Созвонился с Иркутским государственным архивом. Была составлена опись, и документы отправились на вечное хранение.

Во всём наследии только один текст оказался неопубликованным: пять страниц, напечатанных на портативной машинке. Это была неоконченная статья о Распутине. Видимо, с её названием Алексей Васильевич ещё не определился. Вверху статьи стояло: В.Г. Распутин. Вот эта статья:

«В.Г. Распутин

Я несколько раз бывал устыжен этим человеком, хотя зачем бы устыжаться — я его старше на четверть века. Появилась его повесть «Деньги для Марии». Я не мог удержаться и настрочил автору письмо. При случае он подошёл ко мне и коротко и глухо сказал: «Спасибо, Алексей Васильевич!» Кажется, и остановиться бы на этом письме, а я пишу ему второе, третье письмо, не помню уж о чем. Автор не оставляет меня без ответа, но в одном приписывает: «А.В., мы живём в одном городе, часто встречаемся. Давай будем так разговаривать». Я был устыжен, и на этом кончил свою переписку. Вовсе недавно написал ему письмо вечером, а утром запрятал его подальше.

Раз как-то шли мы из его дома в писательский. Дорогой я его все на «вы» да на «вы». У самого порога, перед тем как открыть дверь, он раздражённо и взволнованно заметил: «Не обращайтесь ко мне на «вы», А.В.!» С тех пор он как бы расковал меня, и стало легче с ним встречаться и разговаривать.

Много лет назад я написал нечто вроде очерков или сельских воспоминаний, отдалённо похожих на пришвинские, слабых и подражательных, и отдал посмотреть Распутину. При встрече он отвёл меня в отдаленный угол и сказал одно слово: «Не понравилось».

Идут немалые годы, а я до сих пор помню, что на мне были белая рубашка и чёрный галстук. Конечно, я что-то оспаривал, он что-то отвечал, но отвечал однословно, отрывисто, монотонно, да он и не умел, а, скорее, не хотел углубляться в подробности, да и я понял, не надо было их, но навсегда остались в памяти рубашка да галстук, да это глухо сказанное только для меня слово. И ведь потом я не один раз показывал ему свои работы, и слышал это строгое слово, а запомнилось первое.

Не скажу, что были у нас с ним какие-то особо теплые и задушевные разговоры (он не только со мной был короток и лаконичен). Но жило во мне к нему какое-то отеческое чувство, и буду неосторожен, замечу, что и он ко мне относился по-доброму, по сыновьи, что ли. Он приходил ко мне в больницу и приносил угощения. Ни я, ни он не могли подобрать слово, молчали или находили что-то случайное, и молчали опять, как бывает среди родственников, которым все известно друг о друге, наконец, говорили: «Ну, пока», и расходились. Он радовался, когда в прожекте какого-нибудь издательства появится имя писателя нашей организации — он узнавал об этом первым, будучи связанным членством или сообщением друзей, находил страницу, и коротко и сдержанно радовался твоему малому успеху. Этот сильный человек видел какие-то слабые возможности во мне, старике, отзывал в сторонку, и сообщал как о чём-то забытом и пришедшем ему на память вот только сейчас, но и беспокоившем его. «Вам надо послать в такое-то издательство рукопись». «Профиль-то у меня не тот», — сокрушался я, и радовался вниманию. «Ну поищи, должно бы быть такое». На секунду еще задерживался и вежливо отходил, оставив меня в радостном размышлении. Вежливость и корректность живут в нем просто и естественно. Он горазд на острое и неожиданное слово, на безобидную

шутку. Раз только видел его оскорбительный жест в сторону слабого, но и высокомерного писателя, для которого собирали деньги на юбилейный подарок. Разудалым рывком он сунул на стол две рублевых бумажки и буркнул нервно: «Больше этот человек не стоит».

Сейчас навешали на Распутина столько должностей и избраний, что подсчитать трудно. Это от того, думаю, что он устал сопротивляться, смирился и махнул рукой. По натуре он стихийный неорганизованный общественник, и любит действовать необузданно. Свободолюбивый человек. Раз пришёл ко мне обкомовский работник, и мы разговорились о писателе.

— Распутин! Да я вот тебе что о нём расскажу. Шла компания по местным выборам. Ну, вызываем кандидатов, беседуем. Устали чертовски. Сижу, заполняю какую-то бумагу и чую, что стоит кто-то в дверях. Ну, думаю, свой какой сотрудник. Слышу, — человек стоял-стоял и покашлял. Я поднял голову, гляжу, — Распутин навалился эдак на притолоку, как-то по-ребячьи, что ли, одет простенько, в помятых брюках, ну, словно только с огорода, и вот зашел по пути.

— Звали меня? — глухо спросил, и перемялся на ногах, и глянул на меня нетерпеливо.

— Конечно, звали, Валентин Григорьевич. Присаживайтесь, поговорим-ка. Мы тебя в депутаты выдвигаем.

— Я депутатом не буду. Я отказываюсь, — и не оторвётся от притолоки, руки не знает куда девать.

— Как это не буду, Валентин Григорьевич? Это как понять, это что-то небывалое.

Сознаюсь, это было для меня непривычное. Никто никогда не отказывался. Наоборот, у каждого в глазах этакой огонёк зажигался, в этакой восторг человек входил, а тут...

— Отказываюсь я, — стоял на своём Распутин. — Мне это не нужно. Да и не способен я к этому. Какой я депутат.

Час убеждал я Распутина не делать такого шага, и пусть это останется между нами, будто и разговора такого не было.

— Я отказываюсь, — стоял на своём Распутин, и пришлось ведь с ним идти к завотделом. И там ничего не получилось, и пришлось идти к секретарю обкома, и там уж только едва сосватали его.

Я тоже тяготился депутатством, надоедало пустое и молчаливое голосование, об этом я и сказал однажды Распутину. Он улыбнулся и шутовски посоветовал:

— А вы напейтесь и упадите вот на этой Большой улице. Вас милиция подберёт, и надейтесь: скоро вас депутатства лишат.

Жил я в отдаленном районе города, и вот дали квартиру поближе. Помочь переехать отозвались многие товарищи, позвонил и Распутину.

— Я не смогу. Машину обкатываю с мастером. Извините.

Но пришел. Оглядывал мое новое жилье и возмущался:

— Писателю и такие клетушки! Тут задохнуться можно. Ведь вся наша работа проходит в этих стенах. Как не могут понять наши руководители. Безобразие! А сами для себя, глядите, какой дом отгрохали.

Обкомовцы дом себе отгрохали, действительно, прекрасный. То ли пожаловать хотели новую просторную квартиру лауреату Седых К.Ф., засобирался он, захвастался на весь город и скоро замолчал; в претензии остался какой-то партийный работник. Обещали в доме этом квартиру одному ученому, но и того довели до инфаркта, а квартиры не дали.

Обосновались в просторных квартирах большие и малые, но все по-своему важные и ответственные работники. Полукружьем выпятился дом в сторону площади, к памятнику Ленину, и называют его ныне «кривой линией партии». Не Валентин ли Григорьевич, острый и смелый на слово, дал ему имечко? Его всегда возмущала кривда жизни: закрытые ларьки и магазины, черные лимузины начальства, железные барьеры в главных начальственных местах, куда без пропуска не войдешь, роскошные дачи для избранных, обжорные пайки при нашей постоянной нехватке.

— Не пробраться ли нам в этот дом, не «отовариться» ли? — кивал он на большой дом в городе.

Всему миру известна его забота во спасение Сибири и Байкала. Трудно отыскать более возмущённое и разгневанное сердце при взгляде на наши экологические беспорядки, и, кажется, нет сильнее слова, чем слово Распутина, сказанное во спасение матушки-природы.

Вот уже много лет молчит его художественное слово, оно целиком отдано ближайшему делу, и буйствует, неистовствует, раскаляет сердца людей, «мятежное, ищет бури». И как он чуток и отзывчив, когда слышит печали и заботы, родственные своим.

Меня волнует судьба Ангары, похожая на судьбы сотен наших рек. Она гибнет на глазах миллиона людей, живущего на её берегах. Мало того, что вся она покрылась смрадными «водогноилищами» (опять меткое слово Распутина). Малый ее кусок подле Иркутска, чудом спасённый от гидростанций, гибнет от вредных сбросов и, главным образом, от завода-грабителя, хищника — «Завода нерудных материалов». Добывая гравий беспошлинно и бесконтрольно, он уничтожил все перекаты и опечки, добрался до островов и уничтожает их десятками»…

На этом статья обрывается.

Владимир Николаевич Козловский

В «Ангарские огни» я пришёл весной 1975 года, редактором был писатель, автор знаменитого романа «Верность», четырежды переиздававшегося большими тиражами, член Союза писателей СССР Владимир Николаевич Козловский. В 1937 году он окончил сельскохозяйственный техникум, стал агрономом, работал в с. Добринка Липецкой области. Оставил там о себе добрую память: 700 га фруктового сада. А ещё был хорошим волейболистом, основным нападающим команды, играл в футбол, защищал ворота. До самых поздних лет он сохранил спортивную подтянутость и стройность.

Многие жители села стали прототипами героев его романа «Верность», вы-

шедшего в свет в 1957 году и сразу ставшего популярным. Я читал этот роман в детстве, помню в нашем доме книгу, зачитанную до невероятного состояния ветхости, её читали в семьях, передавая друг другу. Я надолго сохранил мечту стать лётчиком, как и многие наши мальчишки, влюблявшиеся в героев романа.

После окончания войны Владимир Николаевич работал сначала корреспондентом, а потом штатным сотрудником газеты «Восточно-Сибирская правда», а в дальнейшем редактором газеты «Ангарские огни».

* * *

Сельхозотделом руководил Павел Хемпетти, он и пригласил меня в газету. Я сотрудничал с различными иркутскими изданиями, а их было немало, это были ведомственные газеты, «многотиражки», их выпускали различные предприятия: Авиационный завод, Машиностроительный завод им. Куйбышева, Завод радиоприёмников, Аэрофлот и т.д., и даже Автопредприятие выпускало газету «Автомобилист», их редакция располагалась в здании Автовокзала, первые журналистские материалы я начал публиковать здесь. Выходила партийная «Восточно-Сибирская правда» и комсомольская «Советская молодёжь». Я писал на разные темы, публиковал свои стихи, жил на окраине города, как многие жители предместий, мы тоже выращивали свиней для себя, с сельским хозяйством не был знаком, и Павел Хемпетти посвящал меня в сельхозпремудрости. Талантливый журналист, где бы он ни работал, окружающие видели его ответственность и профессионализм в освещении сфер жизни, которых он касался. Он писал стихи, это тоже сближало нас, в общении был дружелюбным, искренним и приветливым.

Борис Ступин вспоминал позднее о его работе в газете «Восточно-Сибирский путь»: «На одной из редакционных планёрок заместитель редактора Сергей Прохоров со свойственной ему иронией заметил корреспонденту Хемпетти:

— Что-то ты, Паша, «затайшетился»...

Смущало Сергея Семёновича, что его подчинённый зачастил в Тайшет. А вот тайшетские железнодорожники, напротив, ничего предосудительного в этом не видели. Для них Павел Иванович был во всех отношениях свой в доску. Да и как иначе: это был журналист от Бога, умеющий душевно рассказать о человеке и не только нащупать актуальную проблему, но и в доступной форме донести её до читателя.

Пожалуй, главным достоинством Паши было умение слушать и слышать собеседника. Хемпетти не нравилось делать значимые тексты «по телефону». И потому его всегда тянуло в дорогу. До станции Тайшет в том числе. Там Павла Ивановича любили и ждали». Уважали его и труженики Иркутского района, с которыми он встречался, обсуждал насущные проблемы, писал о них в своих очерках и репортажах.

Жизнь Павла Ивановича Хемпетти складывалась трагически. Во время Великой Отечественной войны он потерял родителей, воспитывался в детдоме. Когда работал в милиции, у него украли пистолет, и с применением этого оружия было совершено преступление. Он отсидел назначенный срок без права работы в органах МВД, занялся журналистикой. Были трагические события и в его семье. Он ушёл из жизни в 2000 году.

В «Ангарских огнях» было десять сотрудников: редактор В.Н. Козловский, заместитель главного редактора Василий Крещик (бухгалтер, шофёр, их имён я, к

сожалению, не помню), ответственный секретарь Ираида Ившина, зав. производственным отделом Леонид Карзанов, два сотрудника сельхозотдела: Павел Хемпетти и я, фотокорреспондент Лев Тетелев, радиоорганизатор Тамара Селяндина, в районе осуществлялось вещание из села Хомутово, и Тамара вела репортажи с полей и ферм, в эфире звучали обзоры выпусков нашей газеты и другие программы.

Главным достоянием нашим был редакционный автомобиль, по своему назначению внедорожник, потому что дорог тогда в современном смысле не было, внешностью своей побитой напоминал военные годы, его называли, не знаю почему, «Бобиком», как собаку, наверно потому, что мог пробегать там, где другой автомобиль засядет в непролазной грязи. Был и мотоцикл «Урал», постоянно закреплённый за Львом Тетелевым, больше никто не умел на нём ездить, разве что в роли пассажира, по тёплому времени прокатиться с ветерком было удовольствием, и когда ломался автомобиль, а он был весьма преклонных лет, «Урал» нас выручал. Территория района немалая, почти 12 тыс. квадратных километров и, если до населённых пунктов можно добраться на автобусе, то по бескрайним полям передвигались только на подходящем для пересечённой местности транспорте.

Лев Тетелев был добротным фотокорреспондентом, он не только снимал для газеты, у него осталось множество фотографий, запечатлевших многие события иркутской жизни и портреты известных иркутских писателей: Валентина Распутина, Алексея Зверева, Марка Сергеева, Евгения Суворова, Владимира Козловского и многих других. Когда я был главным редактором журнала «Сибирь», я нередко публиковал его работы.

* * *

Он был сталинистом, как принято сейчас называть сторонников сильной власти, как большинство из его военного поколения. Когда возникали в редакции спорные ситуации, он решал их.

Радиоорганизатор Тамара Селяндина осуществляла по Иркутскому району вещание из села Хомутово. Студия только создана, до неё надо каждый день на чём-то добираться, машина не всегда свободна, к тому же надо было ездить по полям и фермам, записывать механизаторов, доярок, овощеводов и т.д., расшифровывать тексты, готовить передачи. Все другие сотрудники были в лучшем положении, и никто бы не справился с этой работой так, как она.

У Владимира Николаевича были к ней претензии, к тому же позвонили из райкома, и на «летучке» он предложил ей уволиться. Я вступился за неё, сказал о технических сложностях в её работе, что она хороший работник, что мы никого не найдём, кто бы мотался между Хомутово и Иркутском на перекладных. Владимир Николаевич нехотя соглашался и, в конце концов, переменил своё решение. Когда расходились после совещания, он мне сказал:

— Жалеть-то все готовы, а кто карать будет?..

Он имел в виду, конечно же, жесткий стиль руководства.

Смотреть на минувшие события из нашего времени, оценивать их, исходя из наших представлений, — занятие недостойное, и уводит от исторической правды.

* * *

График нашей работы был неизменным, в понедельник на планёрке намечались основные темы, распределяли, кто, куда, на чём едет, и далее как заведён-

ные, по кругу: день — командировка на задание, второй — отписываешься, день в разъездах, день в редакции, исключение — дежурство по газете в типографии, выпускающим. График был жёстким. Иногда приходилось возвращаться поздно вечером, если командировка бывала дальней, в посевную или уборочную страду.

Но были и приятные моменты: возвращаясь из Горохова или из Бутырок, свернуть в сосновый молодой лесок и побродить в поисках рыжиков и маслят, а по поздней осени и опята доставляли радость.

С Владимиром Николаевичем мы помимо работы встречались в Доме литераторов. Кто-то из писателей придумал нам прозвища, трансформируя наши фамилии в бильярдном смысле: Владимира Николаевича называли Козлов с кием, а меня Козлов без кия. Он был среди писателей одним из лучших игроков, а я только учился. Мы сблизились с ним, и часто из редакции вместе шли в писательскую организацию, иногда он приглашал меня к себе домой, недалеко от редакции. Когда я вступал в Союз писателей, он был одним из тех, кто дал мне рекомендацию. Для вступления необходимо было иметь три, две другие написали Пётр Иванович Реутский и Алексей Васильевич Зверев.

Высокий статный красавец, Владимир Николаевич носил светлый плащ и шляпу, седая шевелюра поднималась над головой, он выделялся в любой компании, женщины на него смотрели с интересом.

Тяжелое ранение сказывалось на его правой руке, он не мог ровно писать и даже подписывать документы. Было у него одно верное средство: когда он выпивал рюмку-другую, рука непонятным образом приходила в нормальное состояние.

Строго к началу работы он появлялся в кабинете, просматривал основные материалы в очередном номере своей газеты, перебирал почту, читал центральную и местную прессу. Но иногда, мы знали, что в положенное время он выйдет из кабинета и под окнами редакции прошествует, волейбольно-прямой, как юноша, в магазин «Рыба», в котором с одиннадцати начинали продавать спиртное, возьмёт бутылку «Стрелецкой». Она была популярна в народе за свои меньшие, чем у водки, градусы и перцовый вкус, женщины называли её «Утро стрелецкой казни», а мы: «Мужик с топором».

Слева в двухтумбовом редакторском столе скрывалась бутылка, а гранёный стакан жил там, как в темнице, пожизненный срок.

Помню, изредка, если приходилось долго обсуждать какой-то вопрос, он доставал стакан, затем бутылку: «Тебе не наливаю», — напоминая об иерархии, наполнял стакан на четверть, выпивал, закусывал каким-нибудь пирожком, и продолжал беседовать, как ни в чем не бывало. Со своими сотрудниками он мог выпить только на общем мероприятии, слёте селькоров, или в День Победы, и только после работы. Этому правилу следовал строго, и выговаривал нам, если заставал тайно отмечавших какое-нибудь важное событие.

Если случалась ошибка или какой-то ляп в газете и поступали звонки из вышестоящих органов, Владимир Николаевич всегда вызывал автора и давал ему возможность самому объясниться, скажем, с инструктором райкома. У меня было недоразумение, когда я дежурил выпускающим и пропустил ошибку, истолкованную в некоторой степени, как идеологическую. Прошли местные выборы, и мы публиковали списки выбранных в районный Совет депутатов. После фамилии, имени, отчества одного из них, в графе «место работы» — было напечатано: главный враг Шелеховской поликлиники (или больницы, не помню), вместо — главный врач. Казалось бы, ничего страшного, опечатка, бывает, но слово враг

было воспринято не как ошибка, а как сознательное оскорбление. Оказалось, что данный главврач давно был неугоден подчинённым, и перед выборами коллектив написал жалобу в райком партии, там он был на хорошем счету. Получалось, что мы приняли сторону, противоположную руководству района.

Владимир Николаевич вызвал меня в кабинет, позвонил инструктору райкома и передал мне трубку, я всё объяснил, как было на самом деле, мне попеняли, я пообещал не повторять, тем и закончилось. Кто работал в газете, знают, какие неуклюжие опечатки случаются, а иногда и печальные для виновника. Но у нас никаких последствий не последовало, говоря протокольным языком. Вспомнилась в журнале «Сибирь» одна перехваченная в последний момент корректором опечатка в названии рассказа Геннадия Машкина «Таёжная глухомань» — «Таёжная глухомать». Оно даже стало нарицательным в редакции, так мы стали называть произведения несостоявшегося писателя.

* * *

Родился Владимир Николаевич 8 ноября 1917 года в г. Козлове (Мичуринске) Тамбовской губернии, в семье рабочего. Из Добринки в 1940 году Владимир Николаевич ушёл в армию, окончил лётное училище. Всю войну прослужил в бомбардировочной авиации.

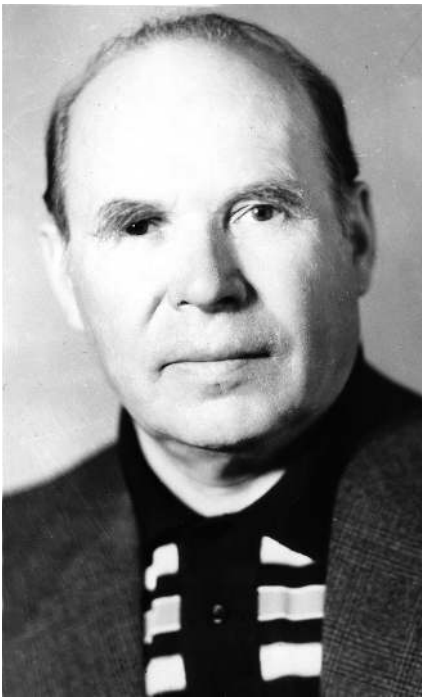
Старшина Козловский был представлен к 12 боевым наградам: орден Красной Звезды, медаль «Партизану Отечественной войны» II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. Совершил 648 боевых вылетов. Он был одним из первых, кто расписался на стене Рейхстага.

Автор книг «Верность», «В Приангарской степи», «Молодость сердца», «Дорогой смелых», «Ищу свою звезду». Его роман «Братья по крови» переведён на болгарский язык.

О войне он не любил рассказывать, как и многие фронтовики. Только однажды за годы нашего общения, когда мы отмечали в редакции очередной День Победы, вспоминал, как он, стрелок бомбардировщика, вел воздушный бой с пятью немецкими истребителями. Из редакции мы пошли к нему домой, жена накрыла стол, и мы продолжали разговор о войне. Владимир Николаевич достал альбом и стал показывать армейские фотографии. Я и сейчас помню, как был поражён, когда увидел: на лётном поле, на фоне бомбардировщика, запечатлён бравый боец в отглаженной гимнастёрке, парадного вида, за несколько дней до того памятного боя, в театральной позе бесстрашного героя; на втором снимке, сделанном сразу после боя, — взрослый зрелый человек с усталым взглядом. Между фотографиями всего несколько дней и первый, который мог стать и последним, воздушный бой.

Леонид Леонтьевич Огнев (Огневский)

Он был человеком своей эпохи. Воспитанный в коммунистическо-атеистическом духе, остался верен идеалам юности. Во время Великой Отечественной войны служил в военной контрразведке, известной как «Смерш» (смерть шпионам). В писательских кругах по этой причине к нему было настороженное отношение, ходили слухи, что он принимал участие в расстрелах советских солдат, но это, на мой взгляд, чистая выдумка. Была такая мода у интеллигенции: ненавидеть КГБ



и тех, кто там работал или работает. И при этом тайно служить информаторами этой системы, продвигаясь с её помощью по службе и зарабатывая привилегии. Эта предательская трусливость интеллигенции проявилась и в Октябрьской революции 1917 года, и в перевороте 90-х годов уже бывшего века.

Леонид Леонтьевич не принял повесть Валентина Распутина «Живи и помни». Он говорил, что за всю войну через их отдел прошел всего один дезертир, и тот был евреем, что литература должна отражать типические явления, а не единичные случаи, что сибиряков дезертиров вообще не было. Конечно, случаи дезертирства были редки, но всё же были. У нас в Сибири в разных районах после войны бродили по тайгам подобные беглецы. В Качугском районе, по рассказам старожилов, до 60-годов прошлого века в тайге прятался дезертир по фамилии Горелов, он кочевал по пустым лесным избушкам, превратившись, по сути, в зверя, питался тем, что находил в зимовьях, и в конце концов пошёл слух, что его застрелили охотники. В это слабо верится, скорее всего, он сам замёрз, умер от голода, сгинул от никчемной жизни, — в молве отражалось народное отношение к предательству вообще. Были скитальцы и в других районах.

Трагедия этого человека — в возмездии неизбежном и страшном не только для него, но и для близких его, которые в то время могли и жизнью своей расплатиться за предательство. Печать Иуды несмываема. Об этом повесть Валентина Распутина. Здесь замечу, что писатели старшего поколения ревностно относились к новой литературе, иногда не принимая или не понимая её.

В шестидесятые годы Леонида Леонтьевича исключили из партии. Для него, верного ленинца, рыцаря торжества революции, коммуниста по убеждению это была глубокая рана, о которой он помнил всегда. А ведь была банальная история, и по тем временам не значащая ничего, если бы не одно «но»…

Леонид Леонтьевич мне рассказывал сам, то же он говорил на писательском собрании. Зашёл за покупкой в магазин на углу Ленина и Горького. Возник конфликт, молоденькая продавщица грубо ответила Л.Л., а он, вместо того, чтобы ответить тем же, со словами: «Ах, ты, жидовочка!», легонько щелкнул её по носу, как бы по-отечески, шутя. Надо сказать, что шутка вышла не очень веселой. Разгорелся скандал. Л.Л. исключили из рядов КПСС за антисемитизм. Неоднократно по прошествии времени Л.Л. обращался с заявлением в высшие инстанции, просил восстановить его в партии, но напрасно. И только в начале 90-х, когда многие бывшие члены КПСС выгодно сжигали свои партийные билеты, на собрании партийной организации писателей он был восстановлен в коммунистических рядах.

Тем не менее, даже то обстоятельство, что именно я поставил вопрос о его возвращении в партийные ряды, не помешало ему сказать сразу после собрания в каком-то споре:

— Вот вернём советскую власть, тебя первым расстреляем за твоего Колчака.

Можно сказать, что мы дружили, во всяком случае, среди писателей военного поколения еще только с Алексеем Васильевичем Зверевым и Владимиром Николаевичем Козловским у меня были товарищеские отношения.

От наших политических споров могла гореть земля под ногами, но это не переходило на личные отношения. Я бывал у него в гостях, угощался иногда водочкой, но всегда, особенно среди зимы, Л.Л. открывал холодильник и спрашивал:

— Ну, какой тебе сегодня ягоды насыпать?

А ягоды он заготавливал и замораживал всякой: брусника, облепиха, черника, смородина дикая и садовая, клубника, малина всегда были у него в холодильнике. Он, как бы сейчас сказали, вел здоровый образ жизни: в широких застольях выпивал не больше трех рюмок, много ходил пешком, был заядлым таёжником, но в городе предпочитал ездить на трамвае, как он говорил, «чтобы меньше дышать копотью». Его напарником, постоянным спутником в таёжных походах был Василий Гинкулов, были у них свои заветные места, тайники, где прятались до следующего прихода необходимые вещи, о чем можно прочесть в очерках Гинкулова. Несколько раз мы с Л.Л. ездили на электричке за черникой и брусникой. Любил он и всякую лесную живность, тонко чувствовал природу, даже написал сказку в стихах о бурундуке.

Возле пятиэтажки, в которой жил, на пустыре разбил парк, посадил множество деревьев и кустарников, которые сам привёз из леса. Давно я не был в том районе, и не знаю, уцелел ли рукотворный лес, или срубили его под стоянку для личных автомобилей благодарные потомки. Или для новой точечной застройки, официально запрещенной: но то здесь, то там возникают незаконные, неприглядные, как прыщи, высотки. Иркутск всё больше превращается в хаотичную стройплощадку с нагромождением безликих кубов, прямоугольников и цилиндров из бетона, железа и стекла, на которой бедным родственником приютился Иркутск исторический.

Бюро пропаганды художественной литературы! Как сладко звучит это сочетание для писателей советской поры, не смущает даже идеологическое «пропаганда», потому что смысл был не в слове, а в сути. А суть была проще пареной репы: сеять разумное, доброе, вечное. Выезжаешь в какой-нибудь район необъятной Иркутской области веселой и шумной бригадой писателей, живёшь в гостинице и ходишь с утра до вечера по заводам, библиотекам, детским садам, школам, техникумам, вузам, по разным общежитиям и несёшь писательское слово в массы. Как сформулировал какой-то безымянный пропагандист, изучивший процесс изнутри, суть выступлений: пять минут позора и двадцать рублей в кармане. При этом замечу, что минимальная зарплата в то время равнялась ста рублям, и на эти деньги можно было безбедно жить. На неделю в Братске или Ангарске планировалось выступлений по двадцать, а иногда и более. Это был хороший заработок. И когда возникала нужда, можно было «поддержать штаны» без особого напряжения.

Хорошо бы написать книгу о бюро пропаганды, о поездках, о приключениях и недоразумениях и прочем, это был бы веселый и яркий документ ушедшей эпохи, но мало осталось свидетелей того времени. Марина Борисовна Салеева, с первого дня до последнего бывшая бухгалтером, а по сути директором, ушла от нас несколько лет назад. Из заведующих, работавших в девяностые годы, остались единицы, да и писателей, помнящих то время, почти не осталось.

Однажды мы поехали с выступлениями в Братск с Леонидом Леонтьевичем. Третьим был зав. бюро пропаганды Владимир Удатов, он сопровождал нас, до-

говаривался, оформлял путевки. Поселились в гостинице «Тайга», мы с Л.Л. в двухместном номере, Володя отдельно.

Заходим в номер, осматриваемся. На спинках кроватей по два полотенца, чего раньше никогда не было, в туалете — туалетная бумага, тоже «нонсенс при дефиците», удивляемся, на дворе застой, а у нас комфорт по высшему разряду. Вдруг стук в дверь, входит консьержка:

— Извините, путаница вышла, — проходит в комнату и берет со спинок кроватей наши махровые полотенца, — тут для немецких туристов приготовили, а вам только вафельные положены.

Открывает дверь в туалет, забирает туалетную бумагу.

Леонид Леонтьевич первым вошёл в реальность, уже в коридоре кричит ей вслед:

— Хоть бумагу-то оставьте…

— Вам не положено…

— Что ж, Леонид Леонтьевич, газета «Правда» тоже ведь не на алюминиевой фольге печатается, — не смог не съязвить я.

Он почти не матерился в общении, хотя прошёл через войну, был сдержанным человеком. Но вдруг что-то в нём сломалось. Он последними словами покрыл и партию и власть. Всё произошло мгновенно, я успел только отметить, как дрогнуло его лицо при упоминании о немецких туристах. Русский офицер, фронтовик, оперуполномоченный особого отдела НКВД, старший следователь контрразведки СМЕРШ, ходивший по вражеским тылам, он повернулся к окну и застыл как каменная глыба. Я пожалел, что ляпнул про газету, но он на это даже внимания не обратил. Он думал о другом. И уже после, когда в ресторане мы встретились с немецкими туристами, и в группе оказался немецкий ветеран войны, наши столы оказались рядом, и через переводчицу выяснилось, что они воевали на одном фронте. Леонид Леонтьевич ни видом, ни словом не высказал какого-либо превосходства как победитель. Война для него закончилась в 1945 году.

Со Станиславом Китайским в восьмидесятые годы мы ездили в Восточную Германию, в то время социалистическую, и случалось, когда заходили в кафе или ресторан, и начинали разговаривать по-русски, какой-нибудь немец, можно было догадаться по его возрасту, участник войны, с показным гордым видом вставал из-за стола и, блеснув в нашу сторону презрительным взглядом, опираясь на трость, направлялся к выходу.

* * *

Позвонил Леонид Леонтьевич:

— Вася, я собираюсь в лес, хочу кедров небольших накопать и посадить на могилах наших писателей и знакомых своих, не согласишься мне помочь? Я и один могу, но с тобой сподручней, тяжело уже одному. Я возьму всё, что надо.

Заехал за мной на следующий день. Он выбрал место по Култукскому тракту, куда ездил за грибами, видел там кедры, спросил, может, я знаю, где поближе. Я жил несколько лет в лесу за Рабочим предместьем, но там были берёзовые и сосновые перелески, кедры не встречались, других мест не знал.

Проехали Шелехов, Чистые Ключи, речку Каторжанку, Моты. Справа стали попадаться редкие кедры, значит, должен быть подрост. Перед началом подъёма к известному всем водителям Тёщину языку, Леонид Леонтьевич съехал на обочину

и заглушил мотор. Он вытащил из багажника лопату, холщовый мешок, и мы стали подниматься по склону, поглядывая по сторонам. Накопали быстро. Я работал лопатой, Леонид Леонтьевич руководил, давал советы, подсказывал, как лучше, чтобы не повредить корней. Он заботливо складывал их в мешок.

Из склона пробивался неширокий ключик, а в пяти шагах от него было старое кострище. И до нас многие облюбовывали это место для передышки. Леонид Леонтьевич начерпал кружкой в котелок воды, вырубил из тонкого торчащего засохшего стволика сосны таган. Я тем временем собирал подходящий сушняк, надрал с упавшей и сгнившей берёзы бересты, самой удобной и скорой таёжной растопки.

Пили чай, пошевеливая в костре обуглившиеся недогоревшие головёшки, подгребая их на пламя, вспоминали наших ушедших друзей-писателей.

На кладбище добрались к вечеру, но дни уже были долги. Остановились почти сразу при въезде на Радищевское кладбище. Прошли вглубь захоронений к могиле Константина Фёдоровича Седых. Выкопали три ямки, по углам посадили кедры, посредине между ними — рябинку, прикопали и притоптали землю. Взяли саженцы и лопату, прошли на могилу Иннокентия Степановича Луговского. Потом он находил другие дорогие сердцу могилки.

Вспомнилось и захотелось съездить на кладбище, если выжили саженцы, то это уже зрелые плодоносящие деревья, и осенью в них копошатся и кормятся белки, прилетают крикливые неутомимые кедровки и разносят по окрестным лесам, и прячут в лесную подстилку кедровые ядрышки. Весной они потянутся к свету ростками жизни.

Главы из рукописи книги об иркутских писателях